

Таким образом, мы рассмотрели варианты прямой реализации коммуникативной стратегии вежливости на примере поздравления в эпистолярном дискурсе. Как показал материал, возможно разнообразное употребление языковых средств, позволяющих адресанту выразить своё отношение к адресату и сохранять отношения на протяжении длительного времени.

Библиографический список

1. Акипина А.А. Этикет русского письма / А.А. Акипина, Н.И. Формановская. М., 1981.
2. Барашев А.Х. Textoобразующие функции производных субстантивов в письмах А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2022.
3. Газизов Р.А. Коммуникативные стратегии вежливости в немецкой лингвокультуре (материале электронных писем) // Известия Юго-Западного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8, № 3. С. 59-68.
4. Дудкина Н.В. Речевой жанр «поздравление» в русской и американской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
5. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации. М., 2007. С. 168-169.
6. Ковалёва Н.А. Авторское формообразование и коммуникативная стратегия текста: На материале писем А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
7. Протопопова О.В. Эпистолярный жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2011. С. 627-631.
8. Чехов А.П. Полное энциклопедическое собрание сочинений. М., 2002.

УДК 811.161.11

РУССКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ АНАТОМИИ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.Г. Николаева

*Казанский государственный медицинский университет
г. Казань, Российская Федерация*

В статье анализируются единицы русской анатомической номенклатуры, относящиеся к устаревшей или диалектной лексике; рассматриваются спорные вопросы их этимологии; затрагивается проблема деминутивов в терминологии.

Ключевые слова: анатомическая терминология, этимология, метафора, деминутив.

В настоящее время некоторые русскоязычные анатомические термины, оставаясь полноправными элементами анатомической номенклатуры, для большинства носителей русского языка становятся непонятны, так как их

омонимические параллели или их производящие вне терминологической системы устаревают, уходят на периферию лексической системы как устаревшая лексика, как архаизмы или как историзмы, в том числе и фонетические. Их внутренняя форма оказывается непрозрачной для наших современников, их метафорический потенциал (на котором строится превалирующее большинство анатомических терминов – и не только в русском языке, но и в латинском, и в современных европейских языках) резко снижается. Это не удивительно, если изучить историю терминов: многие из них вошли в научный оборот в XVIII веке [7] с интенсификацией научных исследований и началом сложения научного стиля русского языка.

Некоторые термины могут быть более понятны в профессиональной медицинской среде, так как медики изучают их латинские эквиваленты, так что имеют возможность сопоставить русский и латинский вариант, но и это не всегда способствует пониманию.

Так, например, известный термин *ключица* является структурной калькой латинского соответствующего наименования *clavicula*, буквально ‘ключик’, однако проблема заключается в том, что ключичная кость не похожа ни на одну из известных с античности форм ключей (которая по сути и не менялась). Логичнее всего предположить, что ключом в метонимическом смысле называли ручку двери, исполняющую также функцию затвора (такие дверные ручки не изменили своей формы в течение двух тысяч лет), по форме очень близкую к форме ключицы. Есть и более изысканная трактовка: словом *clavis* в Древнем Риме называли специальное приспособление для детской игры в обруч, с помощью которого этот обруч катали, и этот *clavis* так же имел форму, сходную с известной костью скелета человека [5].

Другие термины для современного жителя мегаполиса не проясняет и сопоставление с латинскими эквивалентами. Например, трапециевидная кость, часть носовой перегородки, носит название *сошник* (*vomer*) по сходству с частью сельскохозяйственных орудий типа плуга или сохи, с помощью которого рыхлят землю. Современный городской житель имеет очень смутное представление о форме и назначении сошника, а представители молодого поколения этого слова зачастую не знают. Также непонятно им определение *ярменный*, латинское *jugularis* от *jugum* ‘ярмо’. Анатомическое имя *jugum* в русской номенклатуре имеет соответствие *возвышение*, очевидно, по характерной для ярма дуги над головами впрягаемого домашнего скота. Следует, однако, заметить, что *jugum sphenoidale*, клиновидное возвышение (то есть возвышение в клиновидной кости), в проекции сверху в точности повторяет форму сельскохозяйственного орудия. Производные слова *ярмо* – как кальки соответствующих латинских единиц – встречаются в терминах *ярменная вена*, *ярменная вырезка*, *ярменная впадина* и др. Их внут-

рнения форма и образная составляющая, однако, для многих изучающих анатомию затемнены.

Часть анатомических терминов представляет собой устаревшую лексику, значение которой уже не всегда понятно современным носителям языка. Так, затылочная часть шеи, по-латыни *nucha*, в русской номенклатуре значится как *выя*. Еще в 1928 году Н.С. Трубецкой писал: «... есть церковнославянские слова, употребление которых допустимо лишь в поэзии или в особо торжественном, напыщенном стиле, например такие названия частей тела, как *чело*, *око*, *уста*, *вежды*, *брада*, *выя*, *длань*, *перст*, *чресла*, *чрево*, *далее*, *слова злато*, *млат*, *хлад*, *страж*, *твердь*, *дева* и т.д. («тип чело»» [цит. по: 9, с. 122]. В подтверждение этих слов можно вспомнить переводы гомеровского эпоса Н.И. Гнедичем и В.А. Жуковским: уже тогда слова такого типа носили налет архаики и создавали торжественно-героический художественный колорит поэтического языка. Согласно панхроническому корпусу НКРЯ, употребление этого слова уже с начала XIX века стремительно приближается к нулю [2]. Однако слово закрепилось в ограниченной профессиональной сфере в терминологической функции. В данном случае даже латинский эквивалент никак не поможет в «узнавании» семантики, ибо сам является результатом путаницы двух схожих по звучанию арабских слов со значением ‘затылочная ямка’ и со значением ‘мозговое вещество’ [6, с. 20].

Название двенадцатиперстной кишки является калькой греческого слова *δωδεκάδακτυλος*, встречающегося в работах Герофила. Латинский термин *duodenum* – слово искусственно образованное, и оно не сохраняет внутренней мотивации греческого: название этой части кишечника обусловлено тем, что она имеет длину в двенадцать пальцев [3, с. 185]. Русский термин сохраняет славянскую основу *перст*, но смысловая связь с пальцами остается неочевидна.

Непрозрачная без дополнительных изысканий этимология у терминов *брыжейка* и *копчик*. Термины носят явно производный характер, но производящими для них в первом случае является историзм, а во втором – диалектное слово. Так, *брыжейка*, орган брюшной полости, с помощью которого внутренние полые органы живота прикрепляются к его стенке, названа по сходству с пышным воротником и манжетами моды позднего Средневековья, которые назывались брыжи (из польского *brzyze*): брыжейка также имеет складчатый характер. *Копчик*, нижний отдел позвоночника человека, представляющий собой выступ из нескольких сросшихся косточек, при явно членимом характере слова не имеет производящей основы в литературном языке – ее надо искать в диалектах: там мы обнаружим слово *копец* со значением ‘бугор, выступ’, которое этимологически восходит к тому же корню, что и в глаголе *копать* [1, с. 102]. Латинские термины *mes-*

enterium и *соссух* соответственно имеют совершенно другие мотивационные основания и этимологии, никак не связанные с русскими терминами. Хотя в отношении пары *копчик* и *соссух* может возникнуть ложное впечатление о единой основе номинации. Народная этимология часто возводит русское *копчик* к названию птицы *кобчик*, подразумевая закрепленное в орфографии оглушение согласного [1, с. 101]. Латинское *соссух* имеет значение ‘кукушка’, но смысловое обоснование номинации конечного отдела позвоночника названием птицы не имеет однозначного толкования [12, с. 123–125]. Наиболее приемлемый вариант – основание сходства с клювом птицы, хотя и оно достаточно натянуто. Во всяком случае возведение русского термина к названию хищной птицы признается ложной этимологией, так что связи здесь нет.

Русский термин *пясть* имеет индоевропейское происхождение и, согласно М. Фасмеру, восходит к корню со значением ‘пять’ [11]. Объяснение более чем убедительное в анатомическом отношении, так как *пясть* – это пять косточек, которые соединяют пальцы с запястьем. Фасмер отвергает связь слова *пясть* с индоевропейским корнем **reǵi* ‘растягивать’, которую актуализируют некоторые этимологи, однако с этим корнем связано похожее русское слово *нядь*, обозначающее расстояние между растянутыми пальцами кисти; это топографическое сходство (а также признак растянутости, который наблюдается и в костях пясти), надо признать, укрепляет позиции данной гипотезы.

Термин *плюсна*, у Фасмера *плесна*, часть ступни между пальцами стопы и пяткой, оказывается родствен греческому *πλάτος* ‘ширина’ и латинскому *planta* ‘подолга’. Слово нечленимо с точки зрения современного русского языка, и сложно подобрать родственные ему слова. Только этимологические словари помогают нам обнаружить его ближайшего «родственника» – и также в сфере строения тела – слово *плечо* [11].

Этимологический казус представляют собой термины *мышца* и *мышцелок*. Общеизвестно, что славянское *мышца* (*мышница*), как и латинское *musculus* дословно обозначают ‘маленькая мышь, мышка’. Л. Успенский склонен полагать, что обозначение данной анатомической структуры восходит к общеиндоевропейскому языку [10]. В древности было замечено, что сокращение бицепса в плече напоминает движение мыши под кожей. Слова *мышь* и *mus* восходят к одному индоевропейскому корню, так что русское *мышца* и латинское *musculus* являются параллельными образованиями, восходящими к единому источнику. Об этом также свидетельствует существование слова *мышка*, *мышца*, *мышница* в древнерусском языке в значении ‘плечо’ [8, с. 339] (ср. современное русское *подмышка*, впадина под плечом, и церковнославянское выражение *мышца Господня*, то есть рука Господа).

К слову *мышь*, по мнению, М. Фасмера восходит и название другой анатомической структуры – *мышцелка*, или *мышцелки* [11], но однозначного объяснения, как это слово было образовано, у этимологов найти не удалось. На наш взгляд, этот термин, скорее, связан со словом *мышца*, поскольку *мышцелок* обозначает утолщение костей, которое является местом прикрепления мышц. Как анатомический термин он известен с XVIII века, фиксируется это слово и в русских диалектах. Словообразовательного типа для этого слова найти не удалось. По всей видимости, это уникальное образование, этимологические связи которого еще только предстоит установить.

Представленный материал затрагивает еще один до конца не решенный вопрос в сфере анатомической терминологии, и не только русской, но и латинской. Это вопрос о значительном количестве деминутивов в ее составе. Ср. лат. *lingula, geniculum, tuberculum, cerebellum, alveola, foveola, glandula, scapula* и многие другие; рус. *крестец, мозжечок, бугорок, мышцелок* (?), *ямочка, лопатка* и т.д. и т.п. Привычно мы называем их деминутивами, так как и в латинском, и в русском языке в их образовании участвуют суффиксы, типичные для создания в слове уменьшительного значения (-ul-, -ol-, -cul-, -ell- и -ец, -ка, -очка, -ок соответственно). О.А. Лапшина выдвинула предположение, что эти суффиксы в данной сфере выражают значение не уменьшительности, а подобия [4], то есть *лопатка* – это не маленькая лопата, а структура, сходная с лопатой, *крестец* – это не маленький крест, а нечто похожее на крест и т.п. Надо признать эту точку зрения весьма любопытной, но с несколькими оговорками. Во-первых, в ряде случаев уменьшительность имеет место быть, в первую очередь, когда есть база для сравнения: если есть *бугор* (*tuber*), то *бугорок* (*tuberculum*) будет его производным с явственно деминутивным значением, то же можно сказать о парах *язык* (*lingua*) – *язычок* (*lingula*), *ямка* (*fovea*) – *ямочка* (*foveola*) и подобных, при этом сема подобия, несомненно, сопровождает этот процесс: *язычок* – это что-то подобное языку, но только маленькое. Во-вторых, при метафорическом способе образования слова уменьшительность, весьма вероятно, уже заложена в самой базе сравнения: слово *лопатка* образовалось по сходству с лопатой небольшого размера и т.п. В редких случаях значение подобия превалирует над значением уменьшительности: здесь можно вспомнить термины *крестец, мышца, ключица* и некоторые другие.

В целом, нужно отметить, что русская анатомическая терминология весьма разнородна по своему составу: с одной стороны, она включает в свой состав кальки (с латинского и греческого), прямые заимствования, нейтральные с точки зрения хронологии и географии слова. Вместе с тем, будучи сформированной в своем основном составе в XVIII веке, она хранит немало исторически окрашенной лексики и диалектизмов. Некоторые из них еще ждут детального этимологического анализа.

Библиографический список

1. Варбог Ж.Ж. Копчик // Русская речь. 1990. № 6. С. 101–103.
2. Вяя // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/explore?req=%D0%B2%D1%8B%D1%8F>. Дата доступа: 23.02.2023.
3. Кутя С.А., Николаева Н.Г., Шимкус Т.С., Гафарова Э.А., Фархутдинова Г.С. Йозеф Гиртль о происхождении наименований тонкой кишки // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. 2022. № 10. С. 183–186.
4. Лапшина О.А. Семантическая категория подобия в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://perviodoc.ru/v28834/?cc=2>. Дата доступа: 23.02.2023.
5. Николаева Н.Г. Вопрос о происхождении термина Clavicula у Йозефа Гиртля // Сlio anatomica: сб. статей. Симферополь: Крымский федеральный ун-т им. В.И. Вернадского, 2022. С. 126–130.
6. Николаева Н.Г. Арабское влияние на латинскую анатомическую терминологию // Классические языки в современном профессиональном образовании: сб. статей. Казань: ФГБОУ ВО Казанский ГМУ Минздрава России, 2022. С. 18–23.
7. Романов Н.А. Русская анатомическая терминология XVIII века. Т.1. М., 1997 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_67916#1. Дата доступа: 23.02.2023.
8. Словарь русского языка XI–XVII века. М.: Наука, 1982. Вып. 9. 360 с.
9. Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 114–134.
10. Успенский Л.В. Этимологический словарь школьника [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky>. Дата доступа: 23.02.2023.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer>. Дата доступа: 23.02.2023.
12. Hyrtl J. Onomatologia anatomica. Wien: Braumüller, 1880. 626 S.